Театр тихоокеанцев

У театра Тихоокеанского флота широкое поле деятельности. Радиус его гастрольных поездок простирается на тысячи километров. На побережье мало таких затаенных уголков, которые актеры театра не посетили. Театр знают в отдаленных базах флота и в Краснознаменной Амурской флотилии. Он играет во Владивостоке и в бухте Ольгинской, в Благовещенске и в Николаевске-на-Амуре. Спектакли его смотрят не только моряки — тихоокеанцы и амурцы, но и бойцы и офицеры сухопутных частей Дальневосточного фронта и гражданское население Приморья, Хабаровского края, Забайкалья.

За недолгий сравнительно срок существования театр поставил много разных пьес. Тем не менее театру не удалось еще выковать солидный и устойчивый репертуар. Спектакли обычно живут в театре сезон—два, а после уходят со сцены, не оставив заметного следа в творчестве коллектива. Причины этому разные. Тут и частая смена художественного руководства и актерского состава (особенно женской его части) и, беспорядок, отсутствие у театра стационара. Первые два затруднения сейчас как будто преодолены: во главе театра стоит опытный режиссер и организатор Н. Буторин, актеры обрауют достаточно сплоченную и творчески жизнеспособную группу. Что же касается третьего, то положение пока остается прежним...

Театр Тихоокеанского флота открыл сезон пьесой А. Крона «Офицер флота». Вслед за ней он показал «Собаку на сене» Лопе-де-Вега.

Еще до опубликования и печати пьеса Крона обратила на себя внимание театров и критики. Пьеса быстро завоевала популярность во флотской среде, и это понятно: она дает пищу размышлениям, вызывает борьбу мнений, рождает горячие и порой непримиримые споры. Это потому, что пьеса говорит о большом и важном, и говорит суровым, мужественным голосом.

В пьесе показана первая зима ленинградской блокады. Она здесь всего только фон, оттеняющий события. Но пусть это частные, отрывочные наблюдения и штрихи быта,— Крон сам видел, сам пережил то, что описывает, и это придает его эскизным зарисункам ее натуры убедительную правоту, дорогое ощущение подлинности.

Мало читать текст Крона, нужно уловить внутренний подтекст драмы. Только тогда будут найдены верная сценическая тональность и ритм.

Театру Тихоокеанского флота в данном случае недостаёт чуткости. Хочется видеть, осязаемо ощущать город, скованный лишениями и стужей, но продолжающий жить, бороться, побеждать. Этого в спектакле нет. Очередь у кипятильника, с которой начинается пьеса, выглядит случайной жанровой сценкой и оставляет впечатление зрительной суетливости. Где хорошо знакомые, в сердце и навсегда запечатлевшиеся ленинградские виды, временно будто погрузившиеся в состояние ледяного безмолвия? Художник прошел мимо них.

Но дело, однако, не в декорациях, не в наличии звуковом оформлении, не в обильных неполадках техники, а в том, что в сценическом самочувствии актеров, в характере их игры, разговоров, интонаций не переданы в должной мере истороженная обстановка города и настроение его людей.

Это было нето в Ленинграде, нето в другом месте,— лишь так неопределенно можно сказать, посмотрев спектакль театра Тихоокеанского флота. И это тем досадней, что обусловленность событий местом и временем многое проясняет и поясняет, если хотите — комментирует ее взгляды и поведение героев пьесы. Ведь отчасти то, что может показаться в других условиях произвольным и надуманным, было так и тогда вполне естественным, оправданно закономерным.

Это относится и к герою пьесы, командиру подводной лодки капитан-лейтенанту Горбунову. Его роль — самая трудная в пьесе. Мысли, взгляды Горбунова рождены жизнью, но сам образ больше, чем все прочие, сочинен автором. Его духовная природа более или менее всеобщна, его человеческая натура подчеркнуто индивидуальна, незаурядна.

Такова особенность пьесы, и с этой особенностью можно не соглашаться, спорить, но тем, кто ставит пьесу, необходимо считаться с замыслами автора.

Артист Розин, играющий роль Горбунова, подчеркивает его нелюдимостность, прямолинейность, доходящую порой до резкости или даже до раздражающей бестактности, но вместе со словами он как бы выплескивает наружу и все чувства героя, так что внутри у него не остается ничего недосказанного, заветного. Он ничего не обещает на будущее. И к тому же его Горбунов сравнительно одинаков в общении со всеми, так что образ рисуется в одну краску.

Горбунов безраздельно предан своему делу. Его стремление воина, командира исполнительности. Он не просто любит свою профессию, он гордится ею. В повседневных трудах и обязанностях, в неукоснительном и точном исполнении долга сосредоточены высшие интересы его жизни. Тут как бы сходятся воедино логика и вдохновение.

Кроме, в вместе с ним Горбунов заметно отдают предпочтение первому, т. е. логике, рассудку, во всяком случае, они непомерно много рассуждают, морализируют.

Если актер уяснит только дидактическую сторону роли, он неизбежно окажется в ложном положении. Ему не будет доверия. На сцене появится позер с претензией проповедника, унылый, резонерствующий педант, и даже самая уместная и своевременно высказанная им мораль будет казаться утомительной, скучной. Но Горбунов не только моралист, он еще и поэт, мечтатель. И это видно, это чувствуется не в его любви к Кате. Тут как раз мало непосредственного волнения, страсти, и любовь какая-то пресная. Все слишком искусственно, рассудительно, чинно. Следишь за их объяснениями и досадуешь, как это нежная взволнованность чувств вовлекается и несправедливо умерщвется нежным аскетизмом и пуританской сухостью. Чувства насильственно замораживаются, в весеннюю песню вступает жесткий, скрипучий, нетерпимо фальшивый звук.

Нет, не здесь Горбунов предстает как мечтатель. Не в любви и девушке, а в любви к делу, именно к делу, профессии. Он говорит: «Если командир стал смотреть на свой корабль как на департамент, где ему платят жалованье, если он угасил в себе мечту, творческую мысль, жажду подвига, тогда он пустошает. Хуже—он самозванец, обманщик!». В этих словах—ключ к образу. И актеру надо уметь им воспользоваться. Иначе, на его беду, оправдается то мнение о Горбунове, которое составили о нем люди, недолюбливающие его, плохо к нему относящиеся. Горбунов заявляет Турошеву: «Когда вы шли к нам на лодку, вас предупреждали, что у меня сварливый характер?.. Говорили? Горбунов — тяжелый человек, сухарь, упрямый, мелочный... Так вот, имейте в виду — все это чистая правда».

Это и правда и неправда. И задача актера — совместить эти две крайности. Дидактика и поэзия, язвительность и мечта — они не только существуют рядом, но как бы взаимно обусловлены в образе Горбунова. У него есть крылья, есть порывы. Он ратует порой за элементарные, общеизвестные, но тем не менее вполне справедливые идеалы.

Горбунов верит в себя, он убежден в своей правоте, и надо, чтобы эти его убеждения завладели актером. Это трудно, но это нужно. Нужно спектаклю, который лишь тогда обретет необходимые ему поучительность и страстность.

Мало этой страстности у артиста Розина. Он внимательно отнесся к тексту, к каждой его фразе, стараясь выразить ее смысл. Но одной старательности недостаточно. Розин прислушался к роли, но не вслушивался ею, не увлекся. И оттого на сцене прохладно. Нельзя сказать, чтобы его герой вовсе не волновался, не переживал, но нет у него большого увлечения мыслью. Потому и волнения его какого-то истерического толка, в высказывания, даже самые умные, встречаются несколько безразлично. А ведь хочется принять жаркое, заинтересованное участие в судьбе героя! Но пока для этого нет достаточных поводов.

Кажется, такого мнения придерживается в спектакле и контр-адмирал. Хотя ему как будто можно было бы в более тепло, сочувственно отнестись к Горбунову. Роль контр-адмирала играет Торский. Он изображает крепкого, коренастого, но несколько мрачноватого, хмурого человека с твердым и, пожалуй, крутым нравом. Говорит на низких, басовых нотах, медленно цедит слова. И по пьесе контр-адмирал сначала не очень приветливо разговаривает с Горбуновым, но это лишь, пожалуй, для того, чтобы скрыть от него свое расположение, возникшее раньше, в ходе знакомства с делом. Едва ли краткая беседа с Горбуновым дает контр-адмиралу особенно веские доводы к тому, чтобы вдруг сменить гнев на милость. Ведь он не увидел в нем ничего нового, такого, чего не знал раньше, разве лишь то, что тот «решительный». Нет, представление о Горбунове сложилось у него прежде, еще даже до разговора с Кондратьевым, когда контр-адмирал извлекает на определением «идеологические фитиль», вытрещавшиеся в донесе Селянина.

Контр-адмиралу нравится Горбунов хотя бы потому, что ему отвратителен Селянин. Сочувствие контр-адмирала всецело на стороне Горбунова. Он чутьем понял его и уже составил свою оценку. И вызвал только для того, чтобы проверить эту оценку, и теперь убеждается, что она правильная. Проверка и восхищение! Ждешь этого восхищения, полнив сердечности, теплоты. Но Торский почти до конца не изменяет сурового тона. Он ведет себя спокойно и в высшей степени сдержанно, чтобы как-нибудь невзначай не уронить мнимой своей солидности.

Вот Кондратьев вышел таким, как надо, симпатичной-нервным, привлекательным, отзывчивым, смешным. Артист Кузьмин правильно делает, что не старается его очернить. Недостатки Кондратьева становятся ясны и сопоставлены с Горбуновым. Если Горбунов фантазирует, способен к воображению и лелеет свою мечту, то Кондратьев — это более или менее обыденность, проза. Розин не выглядит зазнайкой, человеком с заносчивой самонадеянностью, как некоторые другие исполнители роли Горбунова. И когда Кондратьев ему говорит: «Больше скромности,— мы не столько слышим в этом упрек Горбунову, сколько видим боязнь Кондратьева самому потерять эту скромность и простоту, примириться с чьей бы то ни было хвастливостью и громкой фразой, безразлично — своей или чужой. И когда затем Кондратьев терпит служебную неудачу, он не испытывает озлобленности, но из-за чего не жалуется, наоборот, и ему словно вернулось утраченное спокойствие, его внутреннее равновесие восстановлено.

Еще о двух актерах следует сказать: о Мурском и маленькой роли Николая Зрастовича, которую он играет мягко, с некоторой будто бы юмористической снисходительностью, но так, что все время ощущаешь ничтожество этого обывателя, и, конечно, о Царькове. Его Соловцев — поистине радостное откровение. Только он выбежал на сцену, ничего не сказал и всего лишь улыбнулся широкой, ясной улыбкой,— и кругом точно стало светлее. Прямодушный, горячий, Соловцев этот полон неотразимого обаяния.

Пьеса Крона представляет серьезное испытание для всякого флотского театра. И при всех оговорках спектакля видно, что актеры и режиссер затратили на него немало труда.

«Собака на сене»—спектакль иного плана. От него всегда ждешь яркой театральности. Вот где есть все основания «порезвиться» и «повоорничать» актерам, а также развлечь и развеселить публику.

Сознаемся, что сначала мы не искали низкого развлечения и, если бы не знали автора, могли бы предположить, что Лопе-де-Вега написал скучную пьесу,—настолько стесненно и вяло играли актеры. Особенно Тарков в роли Тристана, который должен быть самой непринужденной и комически занимательной фигурой спектакля. Но постепенно приходили оживление и радость. Возникала та пестрая пятерыми забав, шуток и веселых страстей, которая вполне и духе такого представления.

Правильное других в нем артисту Вуськеру, играющему смешного, фатоватого маркиза Рикардо, и артистке Семеновой, исполняющей главную роль графини Дианы. Вуськер хрипом буффонными средствами изображает своего героя. Но он с первого появления на сцене всчеркивает сполна его характеристику и дальше начинает повторяться. Образ Дианы раскрывается более последовательно. Диана неразлучна с Теодоро, во у нее с ним и любовь и игра в любовь. У Семеновой, пожалуй, больше игры, кокетливого притворства, чем настоящей страсти, но при обоих обстоятельствах она ведет себя с благородным изяществом и неподдельным чувством стиля. И это сообщает спектаклю культуру, которая видна и в его оформлении и которой нет, например, в костюмах, нарядных, но довольно безразличных к той эпохе, что дана в пьесе.

Театр Тихоокеанского флота делает много полезного. Он неплохо зарекомендовал себя на Дальнем Востоке, и куда бы его актеры ни приезжали, их всюду ожидает радушный прием. И только у себя на главной базе, во Владивостоке, театру приходится труднее, чем где-либо. Не имея своего помещения, он вынужден в буквальном смысле одолжаться у Дома флота. А Дом флота для него—далеко не родной дом. Театр тут живет на положении пасынка.

В Доме флота на время войны выступали ценные художественные коллективы. Но не только им нашлось здесь место. Дом флота охотно оказывает гостеприимство всему приезжому, гастрольному, — пусть то будет плохонькая эстрадная группа, вроде бригад Фатеевой и Вереванца,— а о своем театре не заботится. Вот если бы можно было написать: «Гастроли театра ТОФ», — тогда другое дело...

В своем равнодушном отношении к театру Дом флота, впрочем, не одинок. Театр ТОФ открыл сезон, успел показать два новых спектакля, и после этого газета «Боевая вахта» напечатала подвальную статью о... посредственной постановке местного городского театра. А о своем флотском театре так и не обмолвились словом.

Нет, театр Тихоокеанского флота заслуживает большего внимания и поддержки!

В. ГОЛУБОВ.

Издатель: НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, Сущевская ул., 21. Коммутатор редакции Д 5-20-00 до Д 5-20-05. Телефоны: для справок—доб. 1-70; отв. секретарь редакции Д 1-05-00; отдел боевых действий флота—доб. 29, 30; отдел пропаганды—Д 1-11-46; отдел партийно-комсомольской жизни—доб. 8; иностранный отдел — доб. 1-22, 1-88; отдел культуры — доб. 1-60; отдел информации — доб. 98; отдел писем — доб. 12, иллюстрированный отдел—доб. 1-18; издательство—начальник Д 1-13-68; бухгалтерия — доб. 28; отдел подписки — Д 1-43-81.

Ответственный редактор П. МУСЬЯКОВ.

ГМ 203224

Типография «Красное Знамя», Сущевская, 21.

КРАСНЫЙ ФЛОТ
МОСКВА

21 ЯНВ 45